

Мэри Мейн Додж

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ

Золотое наследие (Эксмо)

Мэри Додж

Серебряные коньки

«ЭКСМО»

1865

УДК 82-3
ББК 84-44 Д60

Додж М. Э.

Серебряные коньки / М. Э. Додж — «Эксмо», 1865 — (Золотое наследие (Эксмо))

ISBN 978-5-699-80019-3

Эта история началась в предновогодние дни, когда во всех городках Голландии, даже в самых бедных, святой Николаас оставляет подарки в чулках для всех детей. Удивительная Голландия, где каждый кусочек земли отвоёван у моря благодаря построенным дамбам... Там так много каналов, что по ним можно на коньках зимой или на лодках летом пересечь всю страну. И каждый школьник здесь мечтает о серебряных коньках, которые можно заслужить, победив в настоящих соревнованиях.

УДК 82-3
ББК 84-44 Д60

ISBN 978-5-699-80019-3

© Додж М. Э., 1865
© Эксмо, 1865

Содержание

Глава I. Ханс и Гретель	6
Глава II. Голландия	10
Глава III. Серебряные коньки	19
Глава IV. Ханс и Гретель находят друга	23
Глава V. Тени в доме	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мэри Додж

Серебряные коньки

© М. И. Клягина-Кондратьева, перевод, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава I. Ханс и Гретель

Много лет назад в одно ясное декабрьское утро двое бедно одетых ребят стояли, пригнувшись к земле, на берегу одного замёрзшего канала в Голландии.

Солнце ещё не взошло, но серая пелена на горизонте уже разорвалась, и её края зарумянились, озарённые малиновым светом наступающего дня. Почти все добрые голландцы покоились в мирном утреннем сне; даже мейнхеер¹ ван Стоппельнозе, этот достойный старый голландец, всё ещё дремал в сладостном забытии.

По каналу, покрытому гладким, как стекло, льдом, время от времени пробегали на коньках люди: то крестьянка с туго набитой корзиной на голове, то бойкий юноша, который спешил в город на работу и, проносясь мимо дрожавших от холода ребят, строил им добродушную гримасу.

Между тем брат и сестра – они были братом и сестрой, – пыхтя и напрягаясь, привязывали себе что-то к ногам – не коньки, конечно, нет, – а просто деревянные полозья, грубо обточенные и стёсанные книзу, с дырками, через которые были продёрнуты ремешки из сыромятной кожи.

Диковинные «коньки» сделал себе и сестре Ханс – так звали мальчика. Его мать была бедная крестьянка, такая бедная, что она и подумать не могла о покупке настоящих коньков для своих детей. Но, как ни грубы были эти полозья, они дали возможность детям провести много весёлых часов на льду; а сейчас, когда, стараясь надеть их, наши юные голландцы изо всех сил дёргали за ремешки застывшими красными пальцами и так согнулись, что чуть не касались коленей сосредоточенными лицами, никакие несбыточные мечты о стальных лезвиях не омрачали их радости.

Но вот мальчик выпрямился и, широко раскинув руки, легко заскользил по льду, пересекая канал.

– За мной, Гретель! – небрежно бросил он девочке.

– Слушай, Ханс, – жалобно крикнула ему сестра, – с этой ногой опять неладно! В прошлый базарный день ремешки натёрли мне ногу, а сейчас больно, когда стягиваешь её в том же месте.

– Так подвяжи их повыше, – ответил Ханс, не глядя на сестру и выписывая на льду великолепную восьмёрку.

– А как? Ремешок-то короткий!

Ханс был голландцем, поэтому он только добродушно свистнул (мальчик-англичанин сказал бы, что девчонки вечно надоедают) и вернулся к сестре.

– И зачем ты надела эти башмаки, глупенькая? У тебя есть кожаные, почти неношеные. Твои деревянные и то лучше этих.

– Что ты, Ханс! Или ты забыл? Ведь отец бросил в огонь мои хорошие новые башмаки, прямо в горящий торф. Не успела я оглянуться, как они уже совсем скорёжились. В этих я ещё могу кататься на коньках, а в деревянных нет. Ну, подвязывай, только осторожней...

Ханс вынул из кармана ремешок; что-то напевая, он стал на колени рядом с Гретель и принялся подвязывать её «конёк», затягивая ремень со всей силой своих крепких молодых рук.

¹ Мейнхеер (голланд.) – господин.

– Ой-ой! – крикнула девочка: ей было очень больно.

Ханс нетерпеливо дёрнул за ремешок и развязал его. Он швырнул бы его на землю – по примеру многих старших братьев, – если бы не заметил слезинки, катившейся по щеке сестры.

– Я всё налажу... не бойся, – сказал он с внезапно вспыхнувшей нежностью. – Только нам мешкать нельзя – ведь нас мама ждёт.

Он огляделся, словно ища чего-то: сначала взглянул на землю, потом на голые ветви ивы у себя над головой и наконец на небо, теперь ярко расцвеченное голубыми, малиновыми и золотистыми полосами.

Нигде не было того, что он искал. Но вдруг мальчика осенило, и глаза его загорелись. Он сорвал с себя шапку и, выдрав рваную подкладку, прикрепил её к носку изношенного башмака Гретель так, чтобы получилось что-то вроде мягкой подушечки.

– Ну, – торжествующе воскликнул он, завязывая ремешки со всей быстротой, на какую были способны его окоченевшие пальцы, – вытерпишь, если я ещё немножко затяну?

Гретель надула губки, словно желая сказать: «Ладно уж, можешь делать мне больно», – но ничего не ответила.

Спустя секунду они, смеясь, летели по каналу, взявшись за руки и не думая о том, провалится под ними лёд или нет: ведь в Голландии лёд держится всю зиму. Он с решительным видом располагается на канале и, вместо того чтобы таять и худеть всякий раз, как солнце греет его довольно жестоко, день за днём набирается сил и вызывающе сверкает навстречу каждому лучу.

Но вот под ногами у Ханса что-то затрещало. Он укорачивал шаг, спотыкался и наконец растянулся на льду, дрыгая ногами.

– Ха-ха-ха! – расхохоталась Гретель. – Вот так шлёпнулся!

Но под её грубой синей кофтой билось нежное сердце, и, все ещё смеясь, она легко подлетела к лежавшему навзничь брату.

– Ты ушибся, Ханс?... Э, да ты смеёшься! Ну-ка, поймай меня! – И она умчалась.

Она больше не дрожала от холода, щёки её горели, глаза искрились весельем.

Ханс вскочил на ноги и пустился вдогонку, хотя поймать Гретель было не так-то легко. Однако не успела она далеко откатиться, как её «коньки» тоже затрещали.

Вспомнив, что порой уступка – залог победы, девочка внезапно повернулась и покатила прямо в объятия своего преследователя.

– Ха-ха-ха! Поймал! – крикнул Ханс.

– Ха-ха-ха! Это я поймала тебя! – возразила Гретель, стараясь вырваться из его рук.

В эту минуту послышался ясный, звонкий голос:

– Ханс! Гретель!

– Мама зовёт, – сказал Ханс, и лицо его сделалось серьёзным.

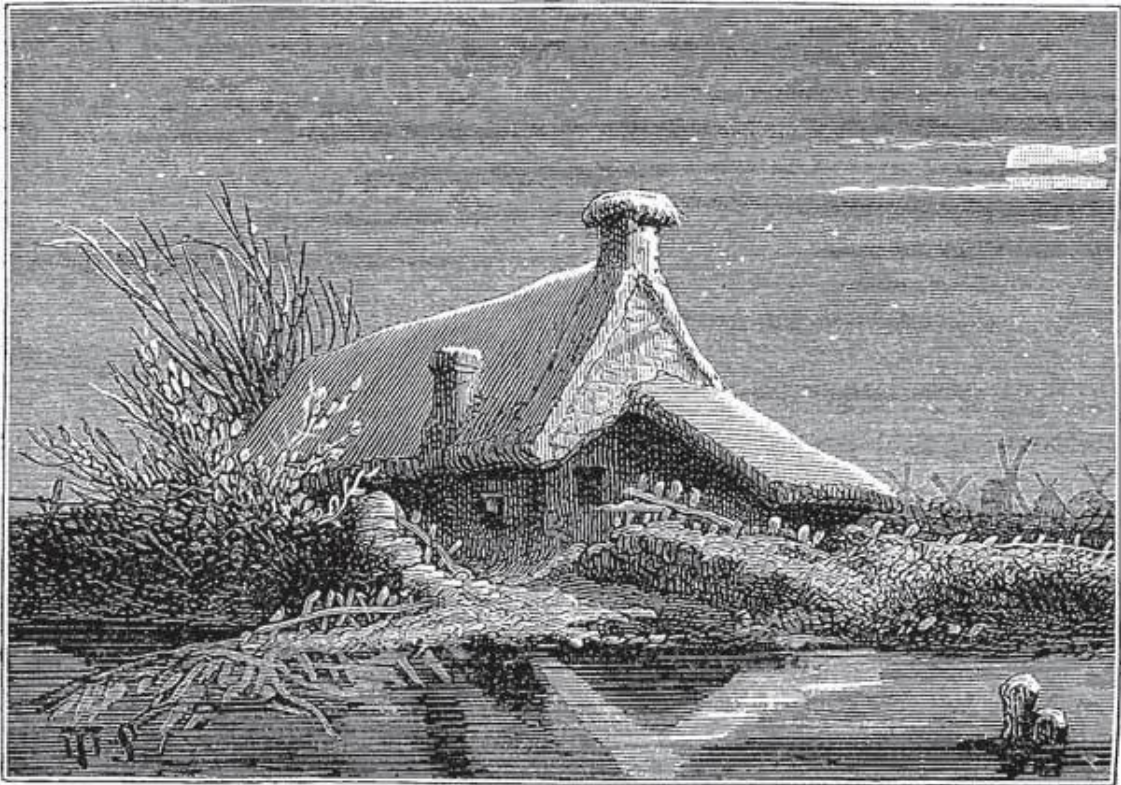
Канал весь золотился в солнечном свете. Хорошо было дышать чистым утренним воздухом, и конькобежцы всё прибывали.

Гретель и Хансу не хотелось уходить с канала, но они были хорошими детьми: им и в голову не пришло поддаться искушению и задержаться ещё немного. Они стащили с себя деревянные коньки, не развязав и половины узлов на ре-мешках.

Домой они шли не спеша. Ханс, широкоплечий, с копной белокурых волос, был на голову выше своей голубоглазой сестрёнки: ведь ему исполнилось пятнадцать лет, а Гретель – только двенадцать. Он был сильный, крепкий мальчик, с ясными глазами, а на лбу его, казалось, было написано: «Внутри всё хорошо», подобно тому как над входом в каждый маленький голландский зомерхейс² обычно написано какое-нибудь изречение. Гретель была гибка и быстра; в её глазах плясали искорки, а если кто-нибудь смотрел на неё, румянец на её щеках то бледнел, то густел. Так, когда дует ветер, клумба розовых и белых цветов кажется то ярко-, то бледно-алой.

Едва отойдя от канала, дети увидели небольшой домик – свой родной дом. Их мать, высокая, в кофте, юбке и плотно прилегающем чепчике, стояла на пороге, напоминая портрет в покосившейся дверной раме. До их домика было недалеко, но, будь он даже на расстоянии мили, он всё равно казался бы близким. В этой плоской стране все предметы ясно видны изда-лека. Цыплёнка можно разглядеть так же хорошо, как ветряную мельницу. Если бы не плотины и высокие берега каналов, можно было бы стать где угодно в самой середине Голландии и нигде до самого горизонта не увидеть ни холма, ни пригорка.

² Зомерхейс – летний домик; павильон, в котором летом отдыхают, но не живут.

Никто не знал этих плотин лучше тётушки Бринкер и запыхавшихся ребят, бежавших на её зов. Но, прежде чем рассказать, почему это так, позвольте мне прокатиться с вами в кресле-качалке в эту далёкую страну, где вы, быть может, впервые увидите кое-какие любопытные вещи, на которые Ханс и Гретель смотрели каждый день.

Глава II. Голландия

Голландия – одна из самых удивительных стран на свете. Её следовало бы назвать «Землёй странностей» или «Страной противоречий», так как она почти во всех отношениях отличается от других стран. Большая часть Голландии лежит ниже уровня моря. Здесь с большими затратами денег и труда построены огромные плотины и молы, чтобы удерживать океан там, где ему надлежит быть. В некоторых местах побережья океан напирал всей своей тяжестью на сушу, и бедная земля еле-еле выдерживала его напор. Временами плотины прорывает или они дают течь, и это влечёт за собой гибельные последствия.

Плотины высоки и широки: кое-где на них стоят здания и растут деревья. Больше того – на плотинах проложены отличные дороги, с которых лошади могут смотреть вниз на придорожные домики. За плотинами по воде плывут корабли, и так как уровень её зачастую выше уровня земли, то их кили движутся на такой высоте, какой не достигают кровли жилищ, стоящих в низинах. Аист, болтающий со своими птенцами на шпиле дома, быть может, считает, что, раз гнездо его свито так высоко, значит, ему не грозит никакая опасность; но лягушка, квакающая в соседних камышах, ближе к звёздам, чем этот аист. Водяные насекомые снуют взад и вперёд выше ласточек, гнездящихся в дымовых трубах, а плакучие ивы никнут, словно стыдясь, что не могут дорасти до ближних тростников.

Повсюду здесь встречаются рвы, заполненные водой, каналы, пруды, реки и озёра. Выплеснутые морем на сушу, да так и не высохшие, они служат средоточием всей людской деятельности и сверкают под солнцем, презирая тихие сырые поля, расстилающиеся рядом с ними. Хочется спросить себя: «Что же такое Голландия – берега или воды?» Ведь даже зелень, которой, казалось бы, предназначено расти на суше, тут как будто ошиблась и расположилась на рыбных прудах. В сущности, вся страна – нечто вроде насыщенной водой губки или, как сказал о ней английский поэт Батлер:

Страна на якоре, вокруг неё вода;
В ней не живут – плывут, как на судах.

Люди рождаются, живут, умирают и даже разводят сады на кораблях, плывущих по каналам. Крыши на фермах напоминают громадные обвисшие шляпы, надвинутые домам на глаза, а дома стоят на деревянных ногах, как бы подоткнув юбки и говоря: «Постараемся остаться сухими». Даже лошади носят на каждом копыте по широкой скамеечке, чтобы легче было вытаскивать ноги из трясины. Короче говоря, Голландия – сплошной утиный рай. Летом это чудесная страна для босоногих мальчишек и девчонок. Как хорошо тут шлёпать по воде и пускать игрушечные кораблики! Как хорошо грести, ловить рыбу, плавать! Только представьте себе целую цепь луж, по которым можно весь день напролёт пускать щепки-судёнышки, ни разу не поворачивая назад! Но довольно! Расскажи я обо всём подробно, мои читатели толпой помчатся на Зейдер-Зее.

Голландские города на первый взгляд кажутся какой-то диковинной чашей, в которой растут дома, мосты, – церкви и корабли, пуская побеги в виде мачт, колоколен и деревьев. В некоторых городах лодки подводят к дому их хозяина и, как лошадей, привязывают к дверному косяку; груз на них спускают из окон верхнего этажа. Матери кричат Лодвейку и Касси: «Не раскачивайтесь на садовой калитке! Чего доброго, утонете!»

Водные дороги встречаются тут чаще, чем грунтовые и железные; водные ограды в виде канав со стоячей зелёной водой окружают площадки для игр, низменные поля и сады.

Кое-где зеленеют красивые живые изгороди; но деревянные заборы, которых так много у нас в Америке, редко встречаются в Нидерландах. О каменных оградах и говорить нечего: голландец в изумлении воздел бы руки к небу, предложи ему кто-нибудь построить такую ограду. Здесь нет камня, если не считать огромных глыб, привезённых из других стран для укрепления и защиты побережья. Все маленькие камни и гольши – если только они здесь когда-нибудь были – заключены в тюрьму мостовой или рассыпались в прах. Мальчики с ловкими, сильными руками за всю свою жизнь не находят ни одного камня, чтобы пустить его по воде или вспугнуть им кролика.

Водные пути – иначе говоря, каналы – пересекают страну во всех направлениях. Каких-каких только каналов здесь нет, начиная от огромного Северо-Голландского судоходного канала (а он одно из чудес света) и кончая такими узкими каналчиками, что и мальчик может их перепрыгнуть. Водные омнибусы, так называемые «трексейты»³, постоянно ходят с пассажирами вверх и вниз по этим дорогам, а водные повозки, «паксейты», перевозят топливо и товары. Вместо заросших травой зелёных тропинок от поля к амбару и от амбара к саду тянутся каналы с зелёной водой, а поля, или «полдеры», как их здесь называют, – это просто большие озёра, из которых вся вода выкачана досуха. В городах иные самые оживлённые улицы представляют собой каналы, заполненные водой, тогда как многие деревенские дороги вымощены кирпичом.

³ Трексейты – суда, плавающие по каналам. Некоторые трексейты имеют более тридцати футов длины. Они похожи на теплицы, поставленные на баржи, и их тянут лошади, идущие по берегу канала. Трексейты имеют два отделения – первый и второй классы, – и, когда они не слишком перегружены, пассажиры чувствуют себя здесь как дома: мужчины курят, женщины вяжут или шьют, а дети играют на маленькой верхней палубе. Многие суда, плавающие по каналам, ходят под парусами – белыми, жёлтыми или шоколадного цвета. Шоколадный цвет они приобретают, если их для большей прочности пропитывают настоем из дубовой коры. (Примеч. автора.)

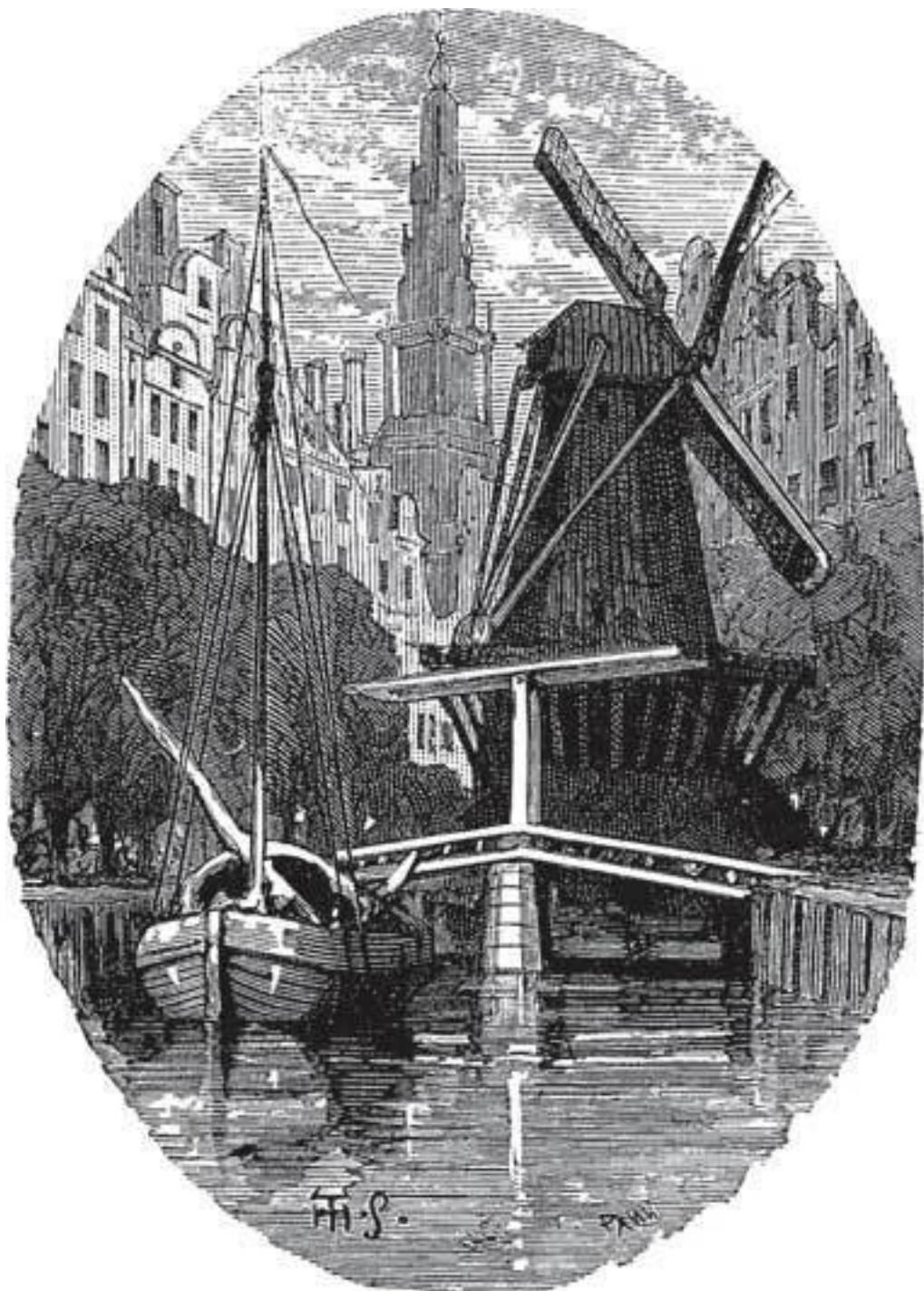
Городские лодки с округлой кормой, позолоченным носом и ярко раскрашенным корпусом не похожи ни на одно судно в мире, а голландская повозка с её причудливо изогнутым маленьким дышлом – настоящее чудо из чудес.

«Одно ясно, – воскликнет наивный оптимист, – тамошние жители никогда не испытывают жажды!» Но нет. «Страна противоречий» всё-таки верна себе. Несмотря на море, что вечно пытается в неё хлынуть, и на озёра, что вечно пытаются с неё схлынуть, несмотря на переливающиеся через край каналы, реки и канавы, во многих округах нет воды, годной для питья. Бедным голландцам приходится или чахнуть от жажды, или пить вино и пиво, или же посылать далеко в глубь страны, в Утрехт и другие счастливые местности, за этой драгоценной влагой, более древней, чем Адам, и всё же юной, как утренняя роса. Время от времени жителям, конечно, случается глотнуть дождевой воды, если только удаётся собрать её, но обычно они, как преследуемые альбатросом моряки в знаменитой поэме Колриджа «Старый моряк», видят только, что:

Вода, вода со всех сторон —
Ни капли для питья!

Огромные, хлопающие крыльями ветряные мельницы разбросаны по всей стране; кажется, будто на неё только что опустились несметные стаи морских птиц. Повсюду видишь диковинные деревья, причудливо подстриженные, со стволами, выкрашенными в ослепительно белую, жёлтую или красную краску. Лошадей нередко запрягают по три в ряд. Мужчины, женщины и дети ходят, постукивая деревянными башмаками с отстающим каблуком. Если у деревенской девушки нет кавалера, желающего сопровождать её на «кермис» (ярмарку), она нанимает себе спутника за деньги, а супруги любовно впрягаются рядышком в свои паксхейты и сами тянут их на рынок по берегу канала.

Другая отличительная особенность Нидерландов – дюны, иначе говоря – песчаные гряды. Кое-где на побережье их очень много. В старину, до того как дюны засеяли жёсткой осокой и другими растениями, чтобы помешать им осыпаться, они насылали грозные песчаные бури на внутреннюю часть страны. Таким образом, вдобавок к прочим странностям можно отметить, что фермерам иногда приходится снимать верхний слой земли, чтобы докопаться до плодородной почвы, а в ветреные дни сухие песчаные ливни нередко сыплются на поля, которые остаются сырыми даже после целой недели солнечной погоды.

С другой стороны, многие странности Голландии служат доказательством бережливости и упорного трудолюбия её народа. Во всём мире нет более богатого, тщательно возделанного сада, чем эта сырая, избыливающая влагой маленькая страна, и нет более храброго, более героического народа, чем её спокойное, с виду пассивное население. Лишь немногие страны соперничают с Голландией в области важных открытий и изобретений; ни одна не превзошла её в области торговли, мореходства, образования и науки, не сделала столько благородных усилий для развития просвещения и общественной благотворительности; ни одна, сравнительно с размерами своей площади, не потратила столько денег и труда на общественные работы.

Голландия может гордиться своими благородными и славными сынами и дочерьми; она может гордиться своими великими историческими подвигами терпения и сопротивления, своими победами, веротерпимостью, просвещённой предприимчивостью, своим искусством,

музыкой и литературой. Правильно её называют «европейским полем битвы», и столь же правильно её можно назвать «всемирным убежищем», ибо те, кого угнетают на родине, находят здесь приют и помощь.

Если мы, американцы, посмеиваемся над голландцами – хоть многие из нас являются их потомками – и называем их «людьми-бобрами», уверяя, что их страна в один прекрасный день уплывёт в море во время отлива, мы вместе с тем гордимся ими, зная, что они показали себя героями и что их страна, конечно, ни в коем случае не уплывёт, пока останется хоть один голландец, чтобы удержать её своими руками.

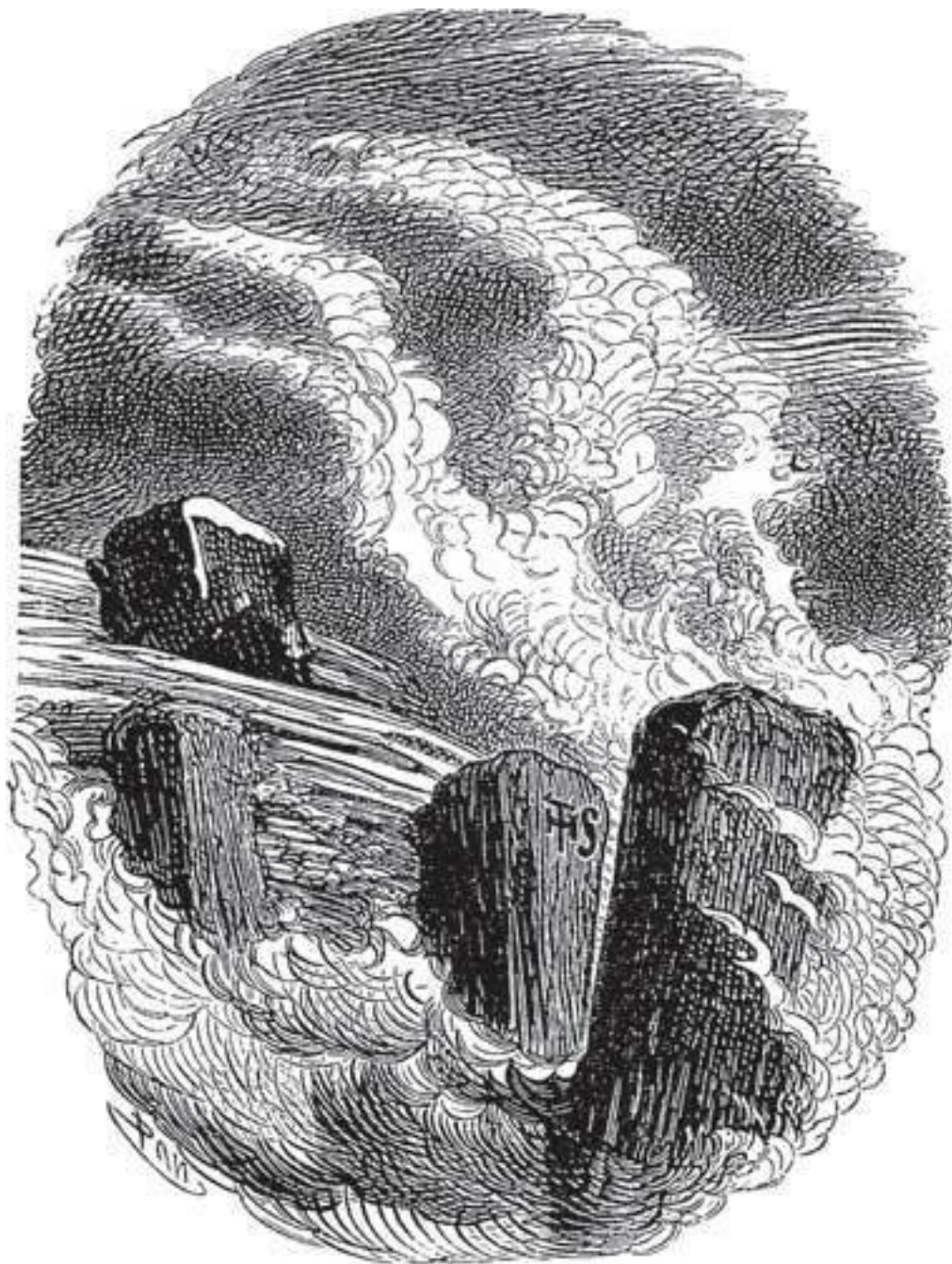
Говорят, что в Голландии около десяти тысяч больших ветряных мельниц с крыльями от восьмидесяти до ста двадцати футов длиной. Они пилят лес, молотят коноплю, мелют зерно и выполняют множество других работ; но главная их задача – откачивать воду из низменностей в каналы и предотвращать наводнения, вызванные разливом рек во внутренней части страны. Большие мельницы очень мощны. На огромной круглой башне такой мельницы, порой возвышающейся над фабричными строениями, стоит другая, меньшая по размерам; она суживается кверху, и крыша её похожа на колпак. Верхняя башня у основания окружена балконом, а над ним выступает ось, которую вращают четыре огромных крыла с лестницами, прикреплёнными к тыльной стороне.

Многие ветряные мельницы построены очень примитивно, так что не худо бы их усовершенствовать, но среди новых есть замечательные. Они снабжены одним остроумным приспособлением и сами подставляют ветру свои веера, иначе говоря – крылья, под таким уклоном, который даёт им возможность работать с требуемой мощностью. Иными словами, мельник может спокойно вздремнуть, уверенный, что его мельница, сама принаровившись к ветру, использует его целиком, пока её хозяин спит. При малейшем токе воздуха каждое крыло распластается, чтобы поймать легчайшее дуновение; но, если налетит сильный вихрь, крылья сожмутся от его прикосновения, как сжимаются листья мимозы, и помешают ему вертеть их с полной силой.

В одной из старинных амстердамских тюрем, прозванной «Скоблильня», потому что заключённых в ней воров и бродяг заставляли скоблить брёвна, был карцер, в который сажали ленивых арестантов. В одном углу этого карцера стоял насос, а в другом было отверстие, через которое в помещение непрерывно лилась вода. Заключённому оставалось только или стоять, ничего не делая, и утонуть, или работать изо всех сил, выкачивая воду насосом, пока тюремщик не смилостивится и не сменит его. Можно, однако, сказать, что природа предоставила это развлечение всей Голландии, но в большом масштабе. Голландцы всегда были вынуждены выкачивать воду, чтобы сохранить самое своё существование, и, вероятно, им придётся заниматься этим до скончания веков.

Громадные суммы денег тратятся тут ежегодно на исправление плотин и регулирование уровня воды; а если бы этими важными делами перестали заниматься, Голландия превратилась бы в необитаемую страну. Как уже было сказано, прорывы плотин приводили к страшным последствиям. Не раз сотни деревень и городов во время этих наводнений заливало стремительными потоками воды, и погибло около миллиона человек.

Одно из самых катастрофических наводнений произошло осенью 1570 года. До него было двадцать восемь страшных паводков, частично затопивших Нидерланды, но этот был самым страшным из всех.

Перед тем несчастная страна долго страдала под игом испанской тирании; теперь её муки, казалось, достигли предела. Читая «Историю возвышения Голландской республики», написанную Мотли, мы учимся уважать храбрый голландский народ, который так много терпел, страдал и дерзал.

В своём потрясающем описании этого потопа Мотли рассказывает вам о том, как длительный и яростный шторм погнал воды Атлантического океана в Северное море и бросил их на побережье голландских провинций; как повсюду размыло плотины, не выдержавшие непосильной нагрузки; как даже «Ханд-бос», мол, построенный из дубовых свай, окованный железом, укрепленный тяжёлыми якорями и защищённый гравием и гранитом, прорвало в мгновение ока; как рыбацьи лодки и большие суда понесло с моря на залитую водой землю, где они застревали в рощах или бились о стены и крыши домов, и как, наконец, вся Фрисландия превратилась в свирепствующее море. «Толпы мужчин, женщин и детей, множество лошадей, быков, овец и других домашних животных повсюду боролись с волнами. Люди жадно хвата-

лись за каждую лодку, за каждый предмет, способный заменить лодку. Все дома были затоплены, и даже мертвецы на кладбище выброшены из могил. Живое дитя в колыбели и давно погребённый труп в гробу плыли рядом. Казалось, снова начался древний потоп. Повсюду на верхушках деревьев, на церковных колокольнях кучками теснились люди, моля Бога о милосердии, а своих близких – о помощи. Как только шторм начал ослабевать, по всем направлениям засновали люди в лодках, спасая тех, кто в воде боролся за свою жизнь, снимая утопающих с крыш и деревьев и подбирая трупы уже утонувших». За несколько часов погибло не менее ста тысяч человек. Тысячи и тысячи бессловесных мёртвых животных плыли по воде, а ущерб, нанесённый всякого рода имуществу, не поддавался учёту.

Испанский губернатор Роблес оказался в первом ряду тех, кто самоотверженно старался спасти людям жизнь и умалить ужасы катастрофы. Раньше голландцы ненавидели его, так как он был испанцем или португальцем, а значит, представителем чужеземных захватчиков, но, когда пришла беда, он своей добротой и деятельностью заслужил всеобщую благодарность. Вскоре он ввёл усовершенствованный метод постройки плотин и издал закон, обязывающий землевладельцев поддерживать заградительные сооружения. С тех пор большие паводки случались реже; однако за триста лет без малого всё-таки было шесть разрушительных наводнений.

...Бринкер упал с подмостков и потерял сознание. Его принесли домой, и с тех пор он уже не работал; хоть он и остался жив, но потерял разум и память

Весной, особенно во время таяния снега, большую опасность представляют озёра и реки. Загромождённые глыбами льда, они выходят из берегов, не успев перелить в океан свои быстро поднимающиеся воды. Если вдобавок к этому вспомнить, как бушует море, напирая на плотины, нечего удивляться, что Голландию зачастую охватывает тревога. Тогда делают всё, что

возможно, для предотвращения катастрофы. Инженеры и рабочие стоят на всех угрожаемых участках, и бдительное дежурство не прекращается круглые сутки. Услышав сигнал об опасности, все жители бросаются на помощь, сплотившись для борьбы против общего врага. Во всём мире считают, что «соломой разлив не запрудишь», а в Голландии она-то как раз и служит главной опорой в борьбе со стремительными потоками. Дамбы обкладывают огромными соломенными матами, скрепляя их глиной и тяжёлыми камнями, и тогда океан тщетно бьётся о них.

Рафф Бринкер, отец Гретель и Ханса, много лет работал на плотинах. Однажды, когда угрожало наводнение и люди укрепляли ненадёжную плотину близ Веермейкского шлюза, при страшном шторме, во мраке, под дождём и снегом, Бринкер упал с подмостков и потерял сознание. Его принесли домой, и с тех пор он уже не работал; хоть он и остался жив, но потерял разум и память.

Гретель помнила его только таким, каким он был теперь, – странным безмолвным человеком, чей пустой взгляд следовал за нею, куда бы она ни повернулась. А Ханс – тот вспоминал, каким жизнерадостным человеком был когда-то его отец, каким весёлым голосом он говорил, как, бывало, без усталости носил сынишку на плече. И когда мальчик ночью лежал без сна, ему чудилось, будто где-то близко звучит отцовская беззаботная песня.

Глава III. Серебряные коньки

Тётушка Бринкер зарабатывала на содержание семьи выращиванием овощей, пряжей и вязаньем и еле-еле сводила концы с концами. Было время, когда она работала на баржах, сновавших вверх и вниз по каналу, и порой вместе с другими женщинами впрягалась в лямку и тянула буксирный канат паксхейта, ходившего между Бруком и Амстердамом. Но когда Ханс вырос и окреп, он настоял на своём и взял на себя эту тяжёлую работу. Кроме того, в последнее время муж тётушки Бринкер сделался таким беспомощным, что ей постоянно приходилось заботиться о нём. Хотя разума у него осталось меньше, чем у маленького ребёнка, он по-прежнему был очень силен и крепок, и тётушке Бринкер нередко бывало трудно справляться с ним.

«Ах, детки, он был такой добрый и работающий! – говорила она иногда. – А умный-то какой! Не хуже адвоката. Сам бургомистр⁴ и тот иной раз останавливался, чтобы спросить его о чём-нибудь. А теперь – горе мне! – он не узнаёт своей жены и ребят. Ты помнишь отца, Ханс, когда он был самим собой, таким сильным и славным? Помнишь ведь?»

«Ещё бы не помнить, мама! Он знал всё и умел делать всё на свете... А как он пел! Ты, бывало, смеялась и говорила, что от его песни даже ветряные мельницы и те запляшут».

«Верно, говорила. Что за память у этого мальчика!.. Гретель, дочка, отними у отца вязальную спицу, да поскорее – он, того и гляди, выколет себе глаз, – и надень на него башмак. Ноги у него, бедного, то и дело застывают: холодные как лёд. Я, как ни стараюсь, никак не могу уследить, чтобы он всегда был обут».

И, не то причитая, не то напевая что-то про себя, тётушка Бринкер усаживалась, и в низеньких комнатках раздавалось жужжание её прялки.

Почти всю работу и на огороде, и в доме выполняли Ханс и Гретель. Каждый год летом дети изо дня в день ходили копать торф и складывали его кирпичиками, запасая топливо. В другое время, если не было домашней работы, Ханс правил лошадьми, тянувшими буксир на канале (так он зарабатывал по несколько стейверов⁵ в день), а Гретель пасла гусей у соседних фермеров.

Ханс мастерски резал по дереву и, так же как Гретель, умел хорошо работать в саду и на огороде. Гретель пела, шила и бегала на высоких самодельных ходулях лучше любой девочки во всей округе. Она в пять минут могла выучить народную песню, отыскать любую травку или цветок, как только они появлялись, но книг она побаивалась, и частенько один вид чёрной доски в их старой школе вызывал у неё слёзы. Ханс, напротив, был медлителен и упрям. Чем труднее было задание, полученное им в школе или дома, тем больше оно ему нравилось. Бывало, что мальчики смеялись после уроков над его запатанной одеждой и не по росту короткими кожаными штанами, но им приходилось уступать ему почётное место чуть ли не в каждом классе. Вскоре он оказался единственным во всей школе учеником, который ни разу не стоял в «страшном углу» – там, где висел некий грозный хлыст, а над ним была начертана надпись: «Учись! Учись, лентяй, не то тебя проучит линёк!»

Ханс и Гретель могли ходить в школу только зимой, так как всё остальное время они работали; но в эту зиму они весь последний месяц пропускали занятия, потому что им приходилось помогать матери. Рафф Бринкер требовал постоянного ухода; надо было печь чёрный хлеб, содержать дом в чистоте, вязать чулки и другие изделия и продавать их на рынке...

Пока они в это холодное декабрьское утро усердно помогали матери, весёлая толпа девочек и мальчиков, среди которых были отличные конькобежцы, скользила по каналу. Когда они,

⁴ Бургомистр – глава городского управления.

⁵ Стейвер – медная мелкая монета.

ярко и пёстро одетые, летели мимо, казалось, будто лёд внезапно растаял и клумбы разноцветных тюльпанов плывут по течению.

Тут каталась дочь богатого бургомистра Хильда ван Глек в дорогих мехах и широком бархатном пальто, а рядом с нею бежала хорошенькая крестьянская девочка Анни Боуман, в тёплой ярко-красной кофте и голубой юбке, такой короткой, что серые чулки домашней вязки были видны во всей своей красе. Каталась тут и гордая Рихи Корбес, чей отец, мейнхеер ван Корбес, считался одним из виднейших граждан Амстердама. А вокруг неё теснились Карл Схуммель, Питер и Людвиг⁶ ван Хольп, Якоб Поот и один очень маленький мальчик с длиннейшим именем: Воостенвальберт Схиммельпенник. В толпе было ещё десятка два других мальчиков и девочек, и все они резвились и веселились от всей души.

Они бежали с полмили вниз по каналу, потом катились обратно и неслись во всю мочь. Порой быстрее из них разворачивался прямо под носом у какого-нибудь важного законодателя или доктора, не спеша скользившего в город, скрестив руки, а порой целая цепь девочек внезапно разрывалась при появлении толстого старого бургомистра, который, пыхтя, направлялся в Амстердам, держа наперевес свою палку с золотым набалдашником. Бургомистр катился на чудесных коньках с превосходными ремешками и сверкающими лезвиями, которые загибались над подъёмом ноги, заканчиваясь позолоченными шариками; он только чуть-чуть приоткрывал свои заплывшие жиром глазки, и, если одна из девочек делала ему реверанс, он не решался ответить поклоном из боязни потерять равновесие.

Не одни лишь гуляющие да знатные господа были на канале. Тут встречались рабочие с усталыми глазами, спешащие в мастерские и на фабрики; базарные торговки с поклажей на голове; разносчики, согнувшиеся под своими тюками; лодочники с растрёпанными волосами и обветренными лицами, пробирающиеся вперёд, грубо толкаясь; священники с ласковыми глазами, быть может, спешащие к ложу умирающих; а немного погодя появились дети с сумками за плечами, бегущие во всю прыть к стоящей поодаль школе. Все до единого были на коньках, кроме того закутанного фермера, чья затейливая повозка тряслась по берегу у самого канала.

⁶ Людвиг, Гретель и Карл – немецкие имена; детей называли так в честь немцев – друзей их родителей. По-голландски эти имена звучат: Лодвейк, Гритье и Карел. (Примеч. автора.)

Пока они в это холодное декабрьское утро усердно помогали матери, весёлая толпа девочек и мальчиков, среди которых были отличные конькобежцы, скользила по каналу

Вскоре наши весёлые мальчики и девочки почти затерялись в этой пестревшей яркими красками, непрестанно движущейся толпе конькобежцев, чьи коньки сверкали, отражая солнечный свет. Мы, пожалуй, и не узнали бы ничего больше об этих детях, если бы они вдруг не остановились как вкопанные и, сгрудившись в стороне, не заговорили все сразу с одной хорошенькой девочкой, которую вытащили из людского потока, стремящегося в город.

– Эй, Катринка, – закричали они в один голос, – ты слышала? Будут состязания... Ты непременно должна участвовать!

– Какие состязания? – со смехом спросила Катринка. – Пожалуйста, не говорите все разом – ничего нельзя понять.

Ребята запнулись и устремили глаза на Рихи Корбес, которая обычно говорила от лица всех.

– Слушай, – сказала Рихи, – двадцатого, в день рождения мевроу⁷ ван Глек, состоятся большие конькобежные состязания. Всё это затеяла Хильда. Лучшему конькобежцу дадут великолепный приз.

– Да, – подхватило несколько голосов, – пару чудесных серебряных коньков, прямо восхитительных! С такими замечательными ремешками! Да-да, и с серебряными колокольчиками и пряжками!

– Кто сказал, что с колокольчиками? – послышался слабый голосок мальчика с длинным именем.

– Я так говорю, господин Воост, – ответила Рихи.

– Так оно и есть...

– Нет, я наверное знаю, что без колокольчиков!

– Ну что ты глупости болтаешь!

– Да нет же, они со стрелами...

– А мейнхеер ван Корбес сказал моей маме, что с колокольчиками, – раздавалось со всех сторон из уст возбуждённой детворы.

Тут мейнхеер Воостенвальберт Схиммельпеннинк сделал попытку окончательно разрешить все споры:

– Нет, никто из вас ничегошеньки не знает! Никаких колокольчиков на них не будет, они...

– О! О! – И хор противоположных мнений зазвучал снова.

– На коньках для девочек будут колокольчики, – спокойно вмешалась Хильда, – а для мальчиков предназначена другая пара, и на ней сбоку выгравированы стрелы.

– Вот видишь!.. А я говорил! – наперебой закричали чуть ли не все ребята.

Катринка смотрела на них, сбита с толку.

– Кто же будет состязаться? – спросила она.

– Все мы, – ответила Рихи. – То-то будет весело! И ты тоже, Катринка, обязательно! А сейчас пора в школу, поговорим обо всём этом на большой перемене, и ты, конечно, будешь участвовать вместе с нами?

Катринка не ответила, но, сделав грациозный пируэт и кокетливо бросив: «Слышите? Последний звонок. Догоняйте!» – со смехом понеслась к школе, стоявшей в полумиле на берегу канала.

Все беспорядочной толпой пустились за нею вдогонку. Но тщетно пытались они догнать ясноглазую хохочущую девочку. Она неслась вперёд, то и дело оглядываясь, и глаза её сияли торжеством, а распущенные волосы золотились на солнце.

Прелестная Катринка! Пышущая здоровьем и юностью, воплощённая жизнь, веселье и движение! Немудрено, что этой ночью твой образ, всегда уносящийся вперёд, промелькнул в сновидениях одного мальчика. Немудрено, что много лет спустя, когда ты унеслась от него навсегда, час этот показался ему самым мрачным в его жизни.

⁷ Мевроу – госпожа.

Глава IV. Ханс и Гретель находят друга

В полдень наши юные друзья толпой хлынули из школы, чтобы потренироваться часок на канале.

Они катались всего несколько минут, как вдруг Карл Схуммель сказал Хильде с усмешкой:

– Смотри, хорошенькая парочка появилась там, на льду! Вот оборванцы! Не иначе, как сам король подарил им эти «коньки».

– Они упорные ребята, – мягко проговорила Хильда. – Должно быть, трудно было выучиться бегать на таких нелепых обрубках. Ты знаешь, они ведь очень бедные крестьяне. Мальчик, наверное, сам сделал себе коньки.

Карл слегка смутился:

– Ты говоришь, они упорные... Может быть... Но посмотри, как они бегают! Только разбегутся, как уже спотыкаются. Помнишь ту пьесу *staccato*⁸, которую ты недавно разучила? Им бы под эту музыку кататься!

Хильда весело рассмеялась и отбежала прочь. Догнав небольшую группу конькобежцев и промчавшись мимо, она остановилась возле Гретель, жадными глазами смотревшей на веселье.

– Как тебя зовут, девочка?

– Гретель, юфроу⁹, – ответила та, слегка робея. Они были почти ровесницы, но ведь Хильда родилась в богатой семье. – А моего брата зовут Хансом.

– Ханс – крепкий малый! – проговорила Хильда весело. – Можно подумать, что внутри у него тёплая печка. А вот ты, кажется, совсем замёрзла. Хорошо бы тебе одеться потеплее, малютка...

Гретель, которой больше нечего было надеть, заставила себя рассмеяться и ответила:

– Я уже не очень маленькая. Мне двенадцать с лишком.

– Вот как! Прости, пожалуйста. Мне, видишь ли, почти четырнадцать лет, но я такая рослая для своего возраста, что все другие девочки кажутся мне маленькими. Впрочем, всё это пустяки. Может быть, ты намного перерастёшь меня... Только одевайся потеплее: ведь девочки не растут, если они вечно дрожат от холода.

Ханс вспыхнул, заметив слёзы на глазах у Гретель.

– Моя сестра не жаловалась на холод, но погода и правда морозная. – И он с грустью взглянул на сестру.

– Ничего, – сказала Гретель. – Когда я катаюсь на коньках, мне тепло, жарко даже... Благодарю вас за заботу, вы очень добры, юфроу!

– Нет-нет! – возразила Хильда, очень недовольная собой. – Я неосторожная, жестокая, но я это не со зла. Я только хотела спросить тебя... то есть... если...

И тут Хильда запнулась, едва начав говорить о том, зачем прибежала сюда. Ей стало неловко перед этими бедно одетыми, но полными достоинства ребятами, хоть она и хотела оказать им внимание.

– А в чём дело, юфроу? – с готовностью воскликнул Ханс. – Не могу ли я вам услужить? Что-нибудь...

– Нет-нет! – рассмеялась Хильда, оправившись от смущения. – Я только хотела поговорить с вами о наших больших состязаниях. Хотите участвовать? Вы оба отлично бегаєте на коньках, а за участие платить не надо. Всякий может записаться и получить приз.

Гретель с грустью взглянула на Ханса, а он, сдёрнув шапку, почтительно ответил:

⁸ *Staccato* (музыкальный термин) – отрывисто.

⁹ Юфроу – барышня; более вежливое обращение йонгуроу. (Примеч. автора.)

– Нет, юфру, если бы даже мы записались, мы очень скоро отстали бы от других. Смотрите, наши коньки из твёрдого дерева, – он приподнял ногу, – но они быстро отсыревают, липнут ко льду, и мы спотыкаемся.

Глаза у Гретель заискрились смехом: она вспомнила об утренней неудаче Ханса, но тут же покраснела и робко пролепетала:

– Нет-нет, участвовать нам не придётся. Но ведь нам можно пойти посмотреть на состязания, юфру?

– Конечно, – ответила Хильда, ласково глядя на серьёзные лица брата и сестры и жалея от всего сердца, что истратила почти все свои карманные деньги, полученные в этом месяце, на кружева и наряды. У неё осталось только восемь квартье¹⁰, а их едва хватило бы на покупку одной пары коньков.

Со вздохом взглянув на ноги брата и сестры, столь разные по размерам, она спросила:

– Кто из вас лучше катается на коньках?

– Гретель, – быстро ответил Ханс.

– Ханс, – в то же мгновение сказала Гретель.

¹⁰ Квартье – мелкая серебряная монета.

– Смотри, хорошенькая парочка появилась там, на льду! Вот оборванцы! Не иначе, как сам король подарил им эти «коньки»

Хильда улыбнулась:

– Я не могу купить обоим вам по паре коньков или даже хотя бы одну хорошую пару, но вот вам восемь квартье. Решите сами: у кого больше шансов победить на состязаниях, тому и купите коньки. Жаль, что у меня не хватает денег на коньки получше... До свидания!

И, сунув деньги взволнованному Хансу, Хильда улыбнулась, кивнула и быстро ускользнула прочь, догонять товарищей.

– Юфруу! Юфруу ван Глек! – громко крикнул Ханс, с трудом ковыляя за нею, так как ремешок на его коньках развязался.

Хильда повернулась, приложив руку к глазам, чтобы защитить их от солнца, и Хансу почудилось, будто она плывёт к нему по воздуху, всё ближе, ближе...

– Мы не можем взять эти деньги, – задыхаясь, пробормотал Ханс, – хоть и знаем, что вы дали их от чистого сердца.

– Почему же? – спросила Хильда, краснея.

– Потому, – ответил Ханс, кланяясь, как паяц, но устремив гордый взгляд принца на высокую, стройную девочку, – что мы их не заработали.

Хильда была находчива. Она ещё раньше заметила на шее у Гретель красивую деревянную цепочку.

– Вырежьте мне цепочку, Ханс, вот такую, как у вашей сестры.

– Это я сделаю с радостью, юфруу. У нас дома есть кусок тюльпанового дерева: оно красивое, как слоновая кость. Вы завтра же получите цепочку.

И он торопливо попытался вернуть деньги Хильде.

– Нет-нет, – возразила Хильда решительным тоном, – эти деньги – ничтожная плата за такую цепочку!

И она умчалась, обгоняя самых быстроногих конькобежцев.

Ханс удивлённо и долго смотрел ей вслед, чувствуя, что спорить с ней бесполезно.

– Пусть так, – пробормотал он, то ли про себя, то ли обращаясь к своей верной тени – Гретель. – Значит, придётся мне поработать усердно, не теряя ни минуты. Пожалуй, до полуночи просижу, если только мама не запретит жечь свечу, но цепочку кончу... Деньги можно оставить у себя, Гретель.

– Что за милая девочка! – воскликнула Гретель, восторженно хлопая в ладоши. – Слушай, Ханс, значит, недаром аист свил гнездо у нас на крыше прошлым летом! Помнишь, как мама сказала, что он принесёт нам счастье, и как она плакала, когда Янзоон Кольп застрелил его? И она сказала, что Янзоону это принесёт горе. И вот счастье к нам пришло наконец-таки! Теперь, Ханс, если мама пошлёт нас завтра в город, ты сможешь купить коньки на рынке.

Ханс покачал головой:

– Барышня дала нам деньги на покупку коньков, но, если я заработаю их, Гретель, они пойдут на шерсть. Тебе нужна тёплая кофта.

– О-о! – крикнула Гретель в неподдельном отчаянии. – Не купить коньков! Да ведь я мёрзну вовсе не так уж часто. Мама говорит, что в жилах бедных детей кровь бежит вверх и вниз, напевая: «Я должна их согреть! Я должна их согреть!..» О Ханс, – продолжала она, чуть не всхлипывая, – не говори, что ты не купишь коньков, а то я заплачу... И вообще я хочу мёрзнуть... то есть мне, право же, страшно тепло...

Ханс быстро взглянул на неё. Как истый голландец, он приходил в ужас при виде слёз да и любого проявления чувств и пуще всего боялся смотреть в голубые глаза сестрёнки, залитые слезами.

– Пойми, – воскликнула Гретель, догадавшись, что преимущество на её стороне, – я буду страшно огорчена, если ты не купишь коньков! Мне они не нужны, я не такая жадная. Я хочу, чтобы ты купил коньки себе. А когда я подрасту, они пригодятся и мне... Ну-ка, Ханс, сосчитай монеты. Видал ты когда-нибудь столько денег?

Ханс задумчиво перебирал монеты на ладони. Никогда в жизни ему так страстно не хотелось иметь коньки. О состязаниях он слышал ещё до разговора с Хильдой и по-мальчишески жаждал случая испытать свои силы вместе с другими ребятами. Он не сомневался, что на хороших стальных лезвиях легко обгонит большинство мальчиков на канале. Возражения Гретель

казались ему убедительными. С другой стороны, он знал, что ей, такой маленькой, но сильной и гибкой, стоит только неделю потренироваться на хороших лезвиях, и она будет бежать лучше Рихи Корбес или даже Катринки Флак... Как только эта мысль пришла ему в голову, он принял решение. Если Гретель не хочет кофты, она получит коньки.

– Нет, Гретель, – ответил он наконец, – я могу и подождать. Когда-нибудь я накоплю денег и достану себе хорошую пару коньков. А на эти деньги купишь коньки ты.

Глаза у Гретель засияли радостью, но она сразу же заспорила снова, хоть и не очень настойчиво:

– Барышня дала деньги тебе, Ханс. Если их возьму я, это будет очень скверно с моей стороны.

Ханс решительно тряхнул головой и зашагал вперёд, а его сестрёнка то шла, то бежала за ним вприпрыжку, чтобы не отстать. Они уже сняли свои деревянные полозья и спешили домой – рассказать матери радостные новости.

– Слушай, я знаю, как надо сделать! – весело закричала вдруг Гретель. – Купи такие коньки, которые тебе будут немножко малы, а мне велики, и мы сможем кататься на них по очереди. То-то будет славно, правда? – И Гретель снова захлопала в ладоши.

Бедный Ханс! Соблазн был велик, но стойкий юноша поборол его:

– Глупости, Гретель! С большими коньками у тебя ничего не выйдет. Ты и на этих-то спотыкалась, как слепой цыплёнок, пока я не обточил концы. Нет, тебе нужна пара как раз по ноге, и ты вплоть до двадцатого должна пользоваться всяким удобным случаем, чтобы тренироваться. Моя маленькая Гретель завоюет приз – серебряные коньки!

При одной мысли о такой возможности Гретель не смогла удержаться от восторженного смеха.

– Ханс! Гретель! – слышался знакомый голос.

– Идём, мама!

Они поспешили домой, и Ханс всё время подбрасывал монеты на ладони.

* * *

Во всей Голландии не нашлось бы такого гордого и счастливого юноши, как Ханс Бринкер, когда он на другой день следил глазами за сестрой, которая ловко скользила, носясь туда-сюда среди конькобежцев, заполнивших под вечер весь канал. Добрая Хильда подарила ей тёплую кофту, а тётушка Бринкер починила и привела в приличный вид её рваные башмаки. Раскрасневшись от удовольствия и совершенно не замечая устремлённых на неё недоумевающих взглядов, малютка стрелой носилась взад и вперёд, чувствуя себя так, словно сверкающие лезвия у неё на ногах внезапно превратили всю землю в сказочную страну. В её благородной душе непрестанно звучало: «Ханс, милый добрый Ханс!»

– Бейдендондер! (Клянусь громом!) – воскликнул Питер ван Хольп, обращаясь к Карлу Схуммелю. – Неплохо катается эта малютка в красной кофте и заплатанной юбке. Гунст! (Черт возьми!) Можно сказать, что у неё пальцы на пятках и глаза на затылке! Смотри-ка! Вот будет здорово, если она примет участие в состязаниях и побьёт Катринку Флак!

– Тсс! Не так громко! – остановил его Карл, насмешливо улыбаясь. – Эта барышня в лохмотьях – любимица Хильды ван Глек. Сверкающие коньки – её подарок, если не ошибаюсь.

– Ах, вот как! – воскликнул Питер с сияющей улыбкой: Хильда была его лучшим другом. – Значит, она и тут успела сделать доброе дело!

И мейнхеер ван Хольп, выписав на льду двойную восьмёрку, а потом огромную букву «П», сделал прыжок, выписал букву «Х» и покатил дальше, не останавливаясь, пока не очутился рядом с Хильдой.

Взявшись за руки, они катались вместе, сначала смеясь, потом спокойно разговаривая вполголоса.

Как ни странно, Питер ван Хольп вскоре пришёл к неожиданному заключению, что его сестрёнке необходимо иметь точь-в-точь такую деревянную цепочку, как у Хильды.

Два дня спустя, в канун праздника святого Николааса, Ханс, успевший сжечь три свечных огарка и вдобавок порезать себе большой палец, стоял на базарной площади в Амстердаме и покупал ещё пару коньков – для себя!

Глава V. Тени в доме

Милая тётушка Бринкер! Как только убрали со стола после скудного обеда, она в честь святого Николааса надела своё праздничное платье. «Это порадует детей», – подумала она и не ошиблась. За последние десять лет праздничное платье надевалось очень редко, а раньше, когда его хозяйку знали во всей округе и называли хорошенькой Мейтье Кленк, оно хорошо служило и красовалось на многих танцевальных вечеринках и ярмарках. Платье хранилось в старом дубовом сундуке, и теперь детям лишь изредка позволялось взглянуть на него. Полинявшее и поношенное, им оно казалось роскошным. Плотное облегающий лиф был из синего домотканого сукна; его квадратный вырез открывал белую полотняную рубашечку, собранную вокруг шеи; красно-коричневая юбка была оторочена по подолу чёрной полосой. В шерстяных вязаных митенках¹¹, в нарядном чепчике, который, не в пример будничному, позволял видеть волосы, мать казалась Гретель чуть ли не принцессой, а Ханс, глядя на неё, превратился в степенного и благонаправного молодого человека.

Заплетая свои золотистые косы, девчурка в пылу восхищения чуть не плясала вокруг матери.

– Ой, мама, мама, мама, какая же ты хорошенькая!.. Смотри, Ханс, прямо картинка, правда?

– Прямо картинка, – весело согласился Ханс, – прямо картинка... Только мне не нравятся эти штуки у неё на руках – вроде чулок.

– Тебе не нравятся митенки, братец Ханс! Но ведь они очень удобные... Смотри, они закрывают все красные места на коже... Ах, мама, какая у тебя белая рука там, где кончается митенка! Белее моей, гораздо белей! Послушай, мама, лиф тебе узок. Ты растёшь! Ты положительно растёшь!

Тётушка Бринкер рассмеялась:

– Он был сшит очень давно, милочка, когда талия у меня была не толще мутовки. А как тебе нравится чепчик? – И она повернула голову сначала в одну сторону, потом в другую.

– Ах, ужасно нравится, мама! Он такой кра-си-ивый! Гляди, на тебя отец смотрит!

Неужели отец действительно смотрел на мать? Да, но – бессмысленным взглядом. Его вроу¹² вздрогнула, обернулась к нему, и что-то похожее на румянец заиграло у неё на щеках, а глаза испытующе сверкнули. Но загоревшийся взгляд её тотчас же погас.

– Нет-нет, – вздохнула она, – он ничего не понимает. Ну-ка, Ханс, – и слабая улыбка вновь мелькнула у неё на губах, – не стой так целый день, уставившись на меня: ведь в Амстердаме тебя ждут новые коньки.

– Ах, мама, – отозвался он, – тебе нужно столько разных разностей! Зачем мне покупать коньки?

– Глупости, сынок! Тебе дали денег или дали работу – это всё равно, – чтобы ты смог купить себе коньки. Иди же, пока солнце ещё высоко.

– Да, и не задерживайся, Ханс! – рассмеялась Гретель. – Нынче вечером мы с тобой посостязаемся на канале, если мама отпустит.

Уже на пороге Ханс обернулся и сказал:

– На твоей прялке нужно сменить подножку, мама.

– Ты сам можешь сделать её, Ханс.

– Могу. На это денег не надо. Но тебе нужны и шерсть, и перья, и мука, и...

¹¹ Митенки – перчатки без пальцев.

¹² Вроу – жена.

– Ладно, ладно! Хватит. На твоё серебро всего не купишь, Ах, сынок, если бы деньги, которые у нас украли, вдруг вернулись сегодня, в этот радостный день накануне праздника святого Николааса, как бы мы обрадовались! Ещё вчера вечером я молилась доброму святому...

– Мама! – с досадой перебил её Ханс.

– А почему бы и нет, Ханс? стыдно тебе упрекать меня за это. Ведь я поистине такая же набожная протестантка, как и любая благородная дама, что ходит в церковь. И если я иногда обращаюсь к доброму святому Николаасу, так ничего худого в этом нет. Подумать только! На что это похоже, если я не могу помолиться святому без того, чтобы мои родные дети на меня не напали! А ведь он как раз покровитель мальчиков и девочек... Замолчи! Жеребёнок кобылу не учит!

Ханс слишком хорошо знал свою мать, чтобы возражать ей хоть словом, когда голос её становился таким резким и пронзительным, как сейчас (а это случалось всякий раз, как она заговаривала о пропавших деньгах), поэтому он сказал ласково:

– А о чём ты просила доброго святого Николааса, мама?

– Я просила, чтобы он не давал вора́м спать ни минуты, пока они не вернут денег, если только это в его силах, или же чтобы он прояснил наш разум и мы сами смогли найти деньги. В последний раз я видела их за день до того, как ваш милый отец расшибся... Впрочем, тебе это хорошо известно, Ханс.

– Это мне известно, мама, – грустно ответил он, – и ты чуть не перевернула весь дом, пока искала их.

– Да, но всё напрасно, – жалобно промолвила мать. – Как говорится: тот найдёт, кто спрятал.

Ханс вздрогнул.

– А ты думаешь, отец мог бы сообщить о них что-нибудь? – спросил он с таинственным видом.

– Конечно, – ответила тётушка Бринкер, кивнув. – То есть я так думаю, но это ещё ничего не значит. На этот счёт я меняю свои мнения чуть ли не каждый день. Может, отец отдал деньги за те большие серебряные часы, что у нас хранятся с того самого дня. Но нет... этому я никогда не поверю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.